

Бал в Армянском собрании

(Письмо Сергея Иоакимовича Аладжалова, Петербург, 1899)

Последний год XIX века, канун потрясений и катастроф, которые навсегда изменят облик России и Европы. Мгновение до исторического рубежа и событий, в круговороте которых мир переродится и станет совершенно другим, порой даже до неузнаваемости и отторжения для тех, кто знал его прежним... Но это – в грядущем, пока лишь смутно уловимом. Тем временем жизнь идёт своим чередом; в дворянском Петербурге дают балы и устраивают вечера, танцуют и поют, строят далеко (и не очень) идущие планы, смеются и тоскуют, делятся впечатлениями и новостями, обсуждают выходки общих знакомых, и, конечно же – пишут письма.

Письма и дневники – проводники в живую ткань истории, позволяющие взглянуть на неё не как на набор сухих дат и свершившихся фактов, а сквозь призму непосредственного опыта переживания того времени, высказанного и обретшего образ в свидетельствах людей прошлых поколений. Они показывают не только то, как события истории отразились на судьбах людей, но и как решения и действия этих людей вплелись и повлияли на неё саму. История предстаёт не застывшим единым монолитом, а в своём исконном многообразии, многоплановости, мультиперспективности, тончайшей взаимосвязанности самых разных аспектов, точкой стяжения которых предстаёт отдельный человек, живущий и действующий в определенном месте и времени, принадлежащий к определенной культуре и поколению, и, таким образом, являющийся частью более масштабного полотна взаимосвязей, уходящего вглубь веков. Так, в небольшом письме с впечатлениями от бала в Армянском собрании Сергея Иоакимовича Аладжалова к сестре и матери, датированном от января 1899 года, как в аккуратном срезе времени, обнаруживается и история костюма, и традиции армянского дворянства в Петербурге, и, не в последнюю очередь, внутренние сюжеты целой семьи.

Составитель и отправитель письма, его главный герой – Сергей Иоакимович Аладжалов (1875-1921), на тот момент молодой - двадцати с лишним лет - будущий инженер, только оканчивающий Институт инженеров путей сообщения. Он также, наравне со старшим братом Александром и другими домочадцами, участник гораздо более поздней переписки времен Первой мировой войны и Революции 1917 года, которая публиковалась на сайте ранее (<http://biographycentre.org/petrogradskie-intelligenti-nach-XX-veka-quotpisma-semi-aladzhalovichquot-iz-arhiva-ur-kanskogo>) [1]. Но пока он не знает ни о грядущем сломе эпох, ни даже о том, что его учёба в институте – лишь начало жизни, неразрывно связанной с железными дорогами. Это нам дано отследить нить его судьбы по всем написанным и полученным письмам до самого конца. Всего через пару лет он женится на польской дворянке Марии Иосифовне Роговской, а потом своё место в его жизни обретет и необычная дача «Теремок», в которой найдут радостное прибежище семьи обоих братьев Аладжаловых. У самого Сергея Аладжалова было четверо детей – Шурик, Лена, Юрик и Соня. Можно заглянуть и дальше, следя за стрелой времени: что Сергею Иоакимовичу придётся пройти почти всю Первую мировую войну на линии фронта в Финляндии и Прибалтике, не изменяя своей привычке делать зарисовки прямо в письмах и запечатлевать происходящее вокруг в словах, что он трагически погибнет от голода в 1921 году, но и что его дочь, Елена, унаследует и разовьёт его художественный талант, закончит Академию художеств и станет профессиональной художницей, а в её картинах (<http://biographycentre.org/elena-sergeevna->

[aladzhalova](#)) [2] вполне можно будет уловить отзвук ярких рисунков её отца. А пока что Сергей Иоакимович, в своём 1899 году, делает зарисовки, рассказывает о том, как блестяще прошёл вчерашний бал, какие наряды были особенно роскошны, как щедро одарил бывших на вечере музыкантов миллионер-«нефтяной король» Александр Манташев, как дружно и хорошо спели «Зейтунский марш» - гимн национально-освободительной борьбы армян. То, что для него было милыми или интересными деталями повседневности, для нашего времени превращается в богатый источник сведений о самых разных пластах давно минувшего века.

Бумажные письма, как и бумажные дневники, помимо содержания, привлекательны и своей формой. Они написаны от руки; написанное «приближено» к нам сквозь толщу обезличивающего времени с помощью неповторимого человеческого почерка, привычки писать с тем или иным нажимом и наклоном, закорючками и чёрточками, отрывисто, размашисто или округло. Мысль оживает в помарках, зачёркиваниях и подчёркиваниях, а даты, упоминаемые места, имена-прозвища и обращения накрепко укореняют письмо в целом срезе контекстов: семейном, пространственном, временном... Письмо о бале в Армянском собрании примечательно и уникально ещё и тем, что прямо среди ряда стройных строчек нашли своё место несколько рисунков. Эти зарисовки платьев, увиденных в описываемый вечер, своими сочными красками, яркими деталями, вписанностью в само повествование обогащают наш опыт чтения, будучи буквально фактурой, образом эпохи. Получается так, что подобные документы своего времени – это опыт и осязаемый, и образный.

Возможность соприкоснуться с уходящей эпохой XIX века и её небольшими радостями и заботами появилась благодаря исканиям и бережному сохранению памяти семьи – запечатленной в письмах, дневниках, семейных легендах – Юрия Ростиславовича Канского, внука Сергея Иоакимовича Аладжалова. Осторожная и сосредоточенная работа по восстановлению связи времён, уважение и внимание к жизни предыдущих поколений придают глубину измерению собственной жизни в настоящем; память наших предков – бесценный дар, хранителями которого мы удостоились быть и который должны передать тем, кто придёт после нас.

Автор: Анна Резвухина, Институт Философии СПбГУ

** Текст печатается по письмам из личного архива Ю.Р. Канского, внука Сергея Иоакимовича Аладжалова. Копии рисунков сделаны с листов письма-оригинала. Текст приведён к современным орфографическим и пунктуационным нормам русского языка. **

[1] Петроградские интеллигенты нач. XX века «Письма семьи Аладжаловых». Из архива Ю.Р. Канского: <http://biographycentre.org/petrogradskie-intelligenti-nach-XX-veka-quotpisma-semi-aladzhalovichquot-iz-arhiva-ur-kanskogo>

[2] О жизни и творческом пути Елены Сергеевны Аладжаловой: <http://biographycentre.org/elena-sergeevna-aladzhalova>

ПИСЬМО СЕРГЕЯ ИОАКИМОВИЧА АЛАДЖАЛОВА МАТЕРИ И СЕСТРЕ ЛИЛЕ (около 1899 года)

Воскресенье, 17 января

Вчера был армянский вечер, такой как у Контаня. Прошел лучше, чем в прошлом году. Больше и единодушнее танцевали, пили, пели и кричали за ужином и т.д. Происходил он в ресторане «Медведь».

Сначала мы решили не ехать. Устраивал в этом году Григорий Богданович и младший сын Ходжейнатова. Но Сусанна Назарова¹ и даже Василий Артемьевич почему-то, так пристали к Кате², чтобы она ехала, что она согласилась, а чтобы не было очень тяжело, уговорила ехать и меня с Рубеном³. Потом и тетя Маша⁴ решила ехать.

Катя, конечно, не желала делать нового платья, поэтому добыла такое у Ольги Константиновны Умновой. Такое нарядное платье, что она сначала не решалась его надеть. Стоит оно что-то около 400 рублей. Лиловое. Это шелковый бархат, отделан мехом. Рукава и вставка на груди из кружев, наложенных на белый атлас. Но, в конце концов, решила надеть. Как раз в день вечера у нее была конференция на курсах о прибавлении четвертого года, вернулась домой она к 10-ти часам. Тогда мы оделись и поехали. Прибыли к 11. Застали танцы в полном разгаре. Платья в этом году были наряднее, чем в прошлом. Юля была в прелестном белом платье, вышитом серебром, которое у меня и нарисовано.

Катино платье произвело эффект, и весь вечер к Кате подъезжали все кавалеры, начиная с дяди Поля⁵, который был в буя и отплясывал мазурку. Танцевали немножко и Катя и Рубен. Барышень было мало, так что все они танцевали до упаду. Были, конечно, Богдановы и Ольга Петровна, Басманова барышня с гувернанткой, Евангулова, Ходжейнатова,

Маликовы и немногие другие.

Крикуровой не было, но вроде нее танцевала одна довольно безобразная девица.

Потом играл Налбандян и пел другой Налбандян, учащийся в консерватории и подающий большие надежды армянский тенор. Поет он замечательно приятно, но наружностью напоминает Аветика Ходжейнатова.

Потом сели ужинать. Ужин был хороший, вроде прошлогоднего. Но, в общем, было больше оживления.

¹ Сусанна Ильинична Назарова – жена Павла Семеновича Султан-Шаха, упоминаемого ниже как «Поль»

² Катя – Екатерина Семеновна Султан-Шах

³ Рубен – Рубен Абгарович Орбели, студентом жил у сестер Султан-Шах

⁴ Тетя Маша – Мария Семеновна Султан-Шах, старшая в семье Султан-Шахов

⁵ Дядя Поль – Павел Семенович Султан-Шах

Наш стол был довольно скучный, так как кроме нашей компании за ним сидели Сусанна, Юля, дядя Поль, Григорий Богданович и некто Бурцов, Назаровский знакомый, бывший поклонник Сусанны. Но вообще пили общие тосты, пели Зейтунский марш⁶ и разные другие армянские песни. Манташев⁷ (знаете, есть такой армянский миллионер) расчувствовался настолько, что Налбандяну-скрипачу подарил 1000 рублей, Налбандяну-певцу назначил стипендию на время учения в консерватории, а другому певцу стипендию на один год.

После ужина танцевали. Уехали мы около шести. Улеглись около семи. Сегодня встали в одиннадцатом часу, и я начал воспроизводить сие письмо.

Теперь позвольте спросить, отчего целую вечность не пишете? Получаете ли посылаемые мной газеты? Я теперь стал по-настоящему заниматься. Один проект подходит к концу, другой наполовину, третий начинаю, четвертого еще не начал. Вообще дела в порядке⁸.

Во вторник 19-го идем на бенефис Савиной в литерную ложу, добытую Катей. В субботу 23 – в Мариинский театр. Купил на одной распродаже штатский костюмчик за 18 рублей. Очень приличный.

Целую крепко, крепко мамочку и Лилечку.

Серёжа

⁶ Марш армянских освободителей. Написан в 1860-е годы основателем армянского оперного искусства, композитором Тиграном Чухаджяном и поэтом Арутюном Чакряном

⁷ Александр Иванович Манташев – нефтепромышленник-миллионер, филантроп, армянского происхождения

⁸ Сергей Иоакимович оканчивал в 1899 году Институт инженеров путей сообщения